

Лин Чжи на мгновение замер, а затем, глядя на Сун Цзячжу, медленно улыбнулся:

— Маленький немой, ты и впрямь очень добрый. Но не стоит меня утешать.

Он намеренно позволил этой смеси грусти и облегчения осесть в голосе. Если бы он сразу перешел на веселый тон, Сун Цзячжу, возможно, и не заметил бы подвоха в ту же секунду, но позже обязательно почувствовал бы фальшь. А это выдало бы истинные цели хоста — ведь юноша и был его главной мишенью. Лин Чжи не мог позволить себе проиграть из-за собственной неосторожности; сеть с прорехами — это всего лишь бракованное изделие.

Сун Цзячжу стремительно ответил жестами:

«Я не утешаю тебя».

Взгляд парня, чистый и глубокий, был преисполнен серьезности. В этом сером, унылом мире он казался зеленой лозой, возродившейся вопреки сезону — его уверенность невозможно было игнорировать.

Лишь тогда Лин Чжи позволил на своем лице проступить тени робкой радости. Он чуть отвел взгляд, словно боясь разочароваться:

— Правда?

Сун Цзячжу решительно кивнул. Он искренне хотел, чтобы Лин Чжи оставался самим собой.

Когда Лин Чжи только признался, почему он носит женскую одежду, Сун Цзячжу это не слишком понравилось. Тот образ платья цвета спелой малины, который часто являлся ему в снах, вдруг окрасился в режущие глаз тона, вызывая отторжение. Теперь же юноша понимал: его отталкивала не сама одежда, а то, какой образ она олицетворяла.

С точки зрения эстетики, эти наряды смотрелись на Лин Чжи безупречно. Сун Цзячжу прекрасно осознавал, что перед ним парень, но не чувствовал никакого диссонанса. Это было похоже на прекрасный подарок в изысканной упаковке — что бы тот ни надел, в глазах юноши он всегда выглядел красиво.

И раз Лин Чжи решил бросить то, что ему самому приносило радость, Сун Цзячжу в своих мыслях окончательно отделил одежду от того человека, ради которого она якобы надевалась. Платья стали просто платьями.

Но помимо желания, чтобы Лин Чжи следовал своим предпочтениям, в душе юноши внезапно

вспыхнуло почти горячее желание.

«Может ли он носить это... ради меня? Может ли он найти во мне силы, чтобы продолжать делать то, что любит?»

Эта безумная мысль заполонила всё его сознание, заставляя сердце биться в бешеном ритме.

«Заменить... Заменить того человека. Стать для него новым смыслом».

Тайное, почти постыдное и низкое намерение в этот миг стало для него священной истиной. Еще не получив результата, Сун Цзячжу словно уже видел перед собой желанную картину, и эта сладкая радость дурманила рассудок, заставляя с трепетом ждать будущего.

Кончики пальцев юноши слегка дрожали, когда он продолжил:

«Дети в приюте называли тебя красивой сестрой. Воспитательница тоже сказала, что ты очень милая и совсем не похожа на мальчика. Так думаю не только я — так считают все».

Пожалуй, это была самая длинная фраза, которую Сун Цзячжу когда-либо произносил на языке жестов. Зная, что Лин Чжи еще только учится, он намеренно замедлял движения, боясь, что тот его не поймет.

Тот снова посмотрел на него своими невинными глазами, в которых теперь плясали смешинки.

— Я всё понимаю, — сказал Лин Чжи. — На самом деле, тебе не нужно показывать так медленно. В моей голове твои жесты выглядят как замедленная вдвое съемка, это очень забавно.

Обычно людям требуется время, чтобы перевести визуальный символ в смысл, и это происходит не так быстро, как восприятие речи на слух — задержка составляет доли секунды. Сун Цзячжу так старался подстроиться под собеседника, что его жесты в восприятии Лин Чжи превратились в замедленное видео, что в сочетании с обычно невозмутимым образом парня вызывало искренний смех.

Видя, что Лин Чжи вернулся в свое привычное состояние, Сун Цзячжу плотно сжал губы, изобразив нечто похожее на слабую улыбку.

— Я обязательно подумаю над твоими словами. Я уже закончил здесь дела, так что заходи внутрь, не буду тебя отвлекать. Увидимся завтра в школе.

Лин Чжи махнул ему рукой — на сегодня этого было достаточно. Сун Цзячжу кивнул, провожая его взглядом.

Хост хотел было добавить что-то еще, но, встретившись с глазами юноши, промолчал. Он лишь снова улыбнулся, помахал на прощание и направился к ближайшей автобусной остановке.

Он намеренно выбрал именно этот способ передвижения. У него действительно оставались слова, которые он хотел сказать Сун Цзячжу — это была важная часть его плана. Но, видя свет в глазах юноши, он решил не портить тому хорошее настроение, решив, что может подождать и до завтра.

Пока Лин Чжи шел к платформе, Сун Цзячжу направился в приют. Однако он не задержался там надолго: перебросившись парой фраз с воспитательницей у входа, он то и дело поглядывал в сторону автобусной остановки.

Вскоре вдалеке показался оранжевый автобус. Он пронесся мимо голых деревьев, мимо массивных зданий, пересекая границы света и тени, пока не затормозил в положенном месте.

Сун Цзячжу не стал больше ничего объяснять и со всех ног бросился к платформе.

Лин Чжи уже вошел в салон, отсканировал код при входе и занял место в задней части автобуса. Перед тем как машина тронулась, спереди послышались торопливые шаги. Лин Чжи поднял голову и увидел Сун Цзячжу, который сел на сиденье рядом с ним.

Заметив удивление на лице Лин Чжи, юноша невозмутимо показал жестами:

«Я забыл дома одну вещь. Нужно вернуться и забрать её».

Лин Чжи кивнул, не выказав подозрений. Но когда он отвернулся к окну, в затуманенном паром стекле отразилась его улыбка.

Сун Цзячжу тоже смотрел на стекло, подражая взгляду спутника, но на этот раз, поскольку он был внутри, а не снаружи, Лин Чжи не стал протирать для него чистое место.

Путник, опоздавший на свой поезд, всегда может сесть на следующий — пока состав находится в пути, и пока у человека достаточно решимости его догнать.

Небо ранней зимы казалось вечно затянутым свинцовой мглой, размытой и неясной, но если присмотреться, в ней можно было разглядеть пугающую четкость.

Поскольку им было не по пути, Лин Чжи предстояло выйти первым.

— Я выхожу.

Сун Цзячжу ответил жестами:

«До завтра».

Он неосознанно провожал взглядом фигуру Лин Чжи, пока двери не захлопнулись.

От остановки до дома было еще приличное расстояние. Лин Чжи не спеша шел по улице, купил стакан горячего свежемолотого сладкого соевого молока и, грея об него ладони, направился к дому.

[01: Хост, Хост! Эта миссия тоже скоро будет выполнена!]

Лин Чжи не стал спорить, лишь сухо заметил:

«Еще немного».

Одной лишь досады Сун Цзячжу недостаточно. Губы Лин Чжи тронула тонкая усмешка.

Человек, привыкший терять, больше всего на свете боится новой потери. Лин Чжи нужно было, чтобы юноша окончательно преодолел этот страх и осознал: он способен удержать то, что ему дорого.

К тому же, согласно его нынешней роли — юноши с разбитым сердцем — он не мог слишком быстро броситься в объятия того, кто его утешает. В обычных романах это была бы роль мужского персонажа второго плана. Но в истории, которую писал Лин Чжи, Сун Цзячжу был главным героем, и такой сценарий ему не подходил.

[01: Хост! Объект переместился! Он не дома и не в книжном... Остановился у торгового центра?]

Лин Чжи сделал глоток молока, наслаждаясь его нежным вкусом:

«Не обращай внимания».

Скорее всего, пошел покупать подарок или занят чем-то подобным. Ему не требовался тотальный контроль над жизнью Сун Цзячжу — пусть делает что хочет.

***

В торговом центре Сун Цзячжу, ориентируясь по карте, шел к магазинам. У него не было четкого списка покупок; идея возникла внезапно, когда автобус проезжал мимо торгового

комплекса. Это было такое же порывистое и острое желание, как и то, что заставило его запрыгнуть в транспорт вслед за Лин Чжи.

Он зашел в магазин женской одежды. Глядя на развешанные платья, юноша пытался представить, как в них будет выглядеть Лин Чжи. К нему тут же поспешила девушка-консультант:

— Здравствуйте! Ищете женскую одежду?

Сун Цзячжу кивнул, продолжая блуждать взглядом по рядам.

— Вы выбираете для своей девушки или для кого-то из родных? Сколько ей лет? Я могу что-нибудь вам посоветовать.

От слова «девушка» сердце Сун Цзячжу пропустило удар, и он инстинктивно качнул головой. Этот жест заставил его тут же досадно нахмуриться. Он быстро набрал текст в заметках на телефоне и протянул экран консультанту.

— А, для близкой подруги? Примерно вашего возраста?

Сун Цзячжу снова кивнул. Девушка, заметив его смущение, понимающе улыбнулась. Она решила, что юноша хочет сделать подарок той, которая ему нравится, но с которой он еще не в отношениях. Она тут же принялась предлагать варианты.

***

Тем временем Лин Чжи сидел на краю тротуара с весьма обреченным видом. Его соевое молоко вылетело из рук, крышка отлетела в сторону. Рядом суетились ребенок и его мать, без конца рассыпаясь в извинениях. Лин Чжи лишь потер щиколотку и покачал головой, давая понять, что всё в порядке.

Он спокойно шел домой, когда сзади его нагнала мать с ребенком на велосипеде. В этот момент из кустов внезапно выскочила бродячая кошка, напугав малыша. Ребенок инстинктивно нажал на педали, но руль от испуга вильнул в сторону. Удар пришелся Лин Чжи прямо в бок, стакан улетел, а сам он подвернул ногу.

Однако досада на его лице была вызвана вовсе не этим происшествием, а мыслями о Сун Цзячжу. Лин Чжи не планировал так скоро заставлять парня испытывать чувство вины за это «опоздание» — хотел подождать хотя бы до утра. Но раз судьба сама подбросила такой шанс, было бы глупо им не воспользоваться. В конце концов, при его осторожности шанс случайно подвернуть ногу был ниже, чем вероятность не простудиться на холодном ветру.

Травма была несерьезной — при ходьбе ощущалось лишь легкое покалывание. Лин Чжи

подобрал пустой стакан, закрыл его крышкой и выбросил в урну. Затем он достал телефон и набрал номер Сун Цзячжу.

— Маленький немой... я ногу подвернул. Больно.

Он издал тихий, болезненный стон, явно преувеличивая свои страдания.

Сун Цзячжу, всё еще рассматривавший одежду, замер. В трубке он услышал голос Лин Чжи и впал в панику. Он хотел спросить, где тот находится, но, не издав ни звука, вспомнил, что не может говорить. Отчаяние и бессилие из-за своей немоты заставили его покрыться холодным потом.

Ему оставалось только не разрывать звонок и лихорадочно строчить сообщения.

[Сун Цзячжу: Ты где?]

[Сун Цзячжу: Домой дошел?]

[Сун Цзячжу: Жди на месте! Скинь адрес, я отвезу тебя в больницу]

[Сун Цзячжу: Сильно болит?]

— Я еще не дошел... Ладно, я, наверное... — Лин Чжи замялся.

В горле Сун Цзячжу родился слабый, хриплый звук, так и не сложившийся в слово.

«Не надо "ладно"! Я приеду! Не зови никого другого!»

— Попробую сам потихоньку доковылять. Всё нормально. Не знаю, зачем я вообще тебе позвонил... Ладно, я вешаю трубку.

<http://bllate.org/book/15821/1436231>